

Обряд инициации балканских славян на основе византийского письменного наследия VI – VII вв.¹

Рябова Мария Борисовна

студент

*Пермский государственный университет, историко-политологический факультет,
Пермь, Россия*

E-mail: rjabova@inbox.ru

Представители Византийской империи на протяжении длительного времени имели постоянный контакт со славянами. Стоит отметить, что письменные памятники, запечатлевшие процесс обоюдного познания, дошли до нас только с византийской стороны (Литаурин, 2001, С. 591). Использование этих данных в свете этнологических исследований является достаточно ограниченным в силу их кажущейся скудности. Самым ярким примером является этнографический экскурс Прокопия Кесарийского, цитаты которого стали хрестоматийными. Автор приводит массу ценных свидетельств о различных аспектах повседневной жизни славян и их религиозно-культурной практике (Procop., De bello Gothico, III.14.22-30). Однако отрывочные сведения, содержащиеся за рамками подобных экскурсов, а приводимые по ходу повествования, за редким исключением ускользают от внимания исследователей.

Инициационные обряды уже длительное время являются объектом изучения этнографов, причем реконструкция, например, древнеславянских юношеских инициаций, довольно затруднительна. Источниками при этом служат либо данные этнографии об инициациях позднего периода у славянских народов, либо фольклорные материалы, в частности, волшебные сказки. Касательно балканских славян, мы не имеем свидетельств в источниках указанного типа. Стоит отметить, что инициационные сценарии в общих чертах одинаковы для всего мира, в частности, для многих индоевропейских народов в древности было характерно ритуальное перерождение иницируемых в волков. Сочинения авторов VI-VII вв. предоставляют данные, свидетельствующие о тотемических представлениях волка у славян в ранний период их истории (Рабинович, 1997, С. 178-200). Таким образом, беря за основу канву инициационной процедуры западных и восточных славян, представляется возможным интерпретировать качественно иным образом по сравнению со сложившейся традицией, отдельные свидетельства о славянском образе жизни и поведении.

В начале, стоит обратить внимание на одно из высказываний Прокопия Кесарийского, касающееся умерщвления плоти. Взяв одного из предводителей вражеского войска в плен, славяне «сожгли его, бросив в пламя костра, предварительно из спины этого человека нарезав ремней» (Procop., III.38.6). На первый взгляд, мы сталкиваемся с описанием зверского убийства пленника, что прямо противоречит сведениям о благодушном отношении к ним славян (Strateg., XI.4.4). Описанная же процедура убийства наталкивает на мысль о его ритуальном характере. В сказках восточных и западных славян лесная старуха-волшебница Баба-яга, выступает как жрица, проводящая инициацию, вырезает из спины героя ремень (Пропп В.Я., 2000, С. 32). Это соотносится со второй, лиминальной фазой инициации, где осуществлялось символическое умерщвление испытуемого. Здесь были характерны физические испытания посвящаемых – нанесение болезненных ударов. «Умирая» в своей ипостаси, испытуемый «перерождался» в волка и становился членом мужского «волчьего» союза (Иванчик, 1988, С. 44). Вероятно, именно это имплицитное знание спровоцировало Георгия Писида использовать сравнение «волки-славяне» (Георгий Писида. Ираклиада 11.71, 11.95). Так же, вспоминается упоминание о том, что пленникам по истечении определенного срока предоставлялось право выбора: уплатить выкуп и вернуться или остаться в племени «как свободные люди и друзья»

---

¹ Автор выражает признательность ассистенту Заморяхину А.В. за помощь в подготовке тезисов.

(Strateg., XI.4.4). Вероятно вышеуказанное издевательство над пленником, было попыткой посвящения его в члены союза, которая, для представителя византийского сообщества, имела удивительную форму.

Далее, тот же Прокопий Кесарийский, довольно красочно описывает поразившие своей жестокостью способы умерщвления людей, которые использовали славяне для расправы во время одного из грабительских походов. Победенных насаживали на кол, избивали до смерти дубинами или сжигали заживо (Procop., III.38.20-22). При этом автор, в целом, уделяя много внимания описанию славян, как агрессоров, не намерен сгущать краски, подчеркивая, что в совершаемых жестокостях они простодушны (Procop., III.14.28). Если принять во внимание объективность свидетельств Прокопия Кесарийского, можно предположить, что подобное нетипичное даже для представителей варварского племени поведение, объяснимо нахождением участников нападения на очередной ступени инициационной процедуры. На втором этапе инициации члены «волчьих» союзов должны были некоторое время жить вдаль от поселений «волчьей жизнью», то есть, находясь зачастую в состоянии наркотического опьянения, занимались разбоем, грабили и убивали людей (Балушок, 1993, С. 94). Одним из проявлений «волчьего» характера жизни могло быть и использование «волчьего воя», как способа передачи информации (Псевдо-Кесарий. Ответы на вопросы). Таким образом, подобное поведение явно не было проявлением природной жестокости, необоснованной агрессии или асоциального образа жизни в целом.

И, наконец, Феофилакт Симокатта свидетельствует о том, что «варвары, впад в предсмертное безумие, казалось, радовались мукам, как будто чужое тело испытывало страдания от бичей» (Theoph. Simocatta. Hist.V.VI.8.14). Представляется, что в данном случае, мы встречаемся с упоминанием о заключительном этапе инициационного процесса. Поскольку члены «волчьих» союзов могли вернуться в общину только после того, как в многочисленных боях доказывали свою силу и мужество. Здесь происходило их перерождение в людей, в ходе которого испытуемых били палкой или бичом, чтобы «разбить» волчий образ. Причем, лишь на этой стадии причинение физической боли испытуемым могло быть сопровождаемо выражением эмоций.

Вероятно, что мы встречаемся с отражением в византийских источниках VI – VII вв. еще одного пласта информации о балканских славянах – сохранения реликтов древних ритуалов в поздний период догосударственной истории. Судя по всему, византийские авторы не были осведомлены о подобных сторонах славянской жизни. Лишь использование Георгием Писиды сравнения славян с волками может косвенно свидетельствовать о наличии имплицитного знания, где образ «волка» был переплетен с ритуалом воинской и возрастной инициации. В связи с незнанием византийцами славянской религиозно-культурной практики, при первом же столкновении с ее проявлениями, возникал барьер непонимания в связи с явно необычным поведением славян. Из этого незнания проистекает еще одна важная особенность византийских свидетельств: мы не встречаем целостного описания обряда ни у одного из авторов. Судя по всему, именно этим объясняется отсутствие каких-либо попыток авторской рефлексии и кажущаяся противоречивость свидетельств.

Литература

1. Балушок В.Г. (1993) Инициации древних славян: попытка реконструкции // Этнографическое обозрение. № 4. С. 92-98.
2. Иванчик А.Е. (1988) Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // Советская этнография. № 5. С. 43-48.
3. Литаврин Г.Г. (2001) Византийцы и славяне – взаимные представления // В сб.: Византия и славяне / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб.: Алетейя.
4. Пропп В.Я. (2000) Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт.
5. Рабинович Р.А. (1997) «Волки» русской летописи (о тотемном происхождении этнонима «уличи») // В сб.: Стратум: структуры и катастрофы / Под ред. М.Е. Ткачук. Кишинев.